

Евгений Мирмович

рассказы

СЛОЖНЫЙ ДИАГНОЗ

– Эй, Генка! Позови мне сюда деда! – кричит автослесарь Похалюк, высовывая голову из пропахшей моторным маслом бетонной ямы, над которой повисла на чурбаках старенькая «Нива». – Мне тормоза прокачать надо. Пусть дед сядет в салон, понажимает на педаль.

– Дед в третьем боксе пол моет. Там ребята масло отработанное разлили, – отзывается Генка, продолжая аккуратно наносить шпаклёвку на мятое крыло серебристого «Форда».

– Ну так сходи позови. Не вылезать же мне из ямы! – не унимается Похалюк.

Действительно, выбраться из-под автомобиля с его полутора центнерами веса непросто.

– Ща, погодь... Генка Петров, высовывая набок язык, делает ещё несколько движений шпателем и, внимательно осматривая свою работу, довольный результатом, отправляется звать деда.

Вообще-то дед – это я. Это они меня зовут. Правда, я вовсе не дед, потому что внуков у меня нет, да и лет мне всего пятьдесят четыре. Привязалась ко мне эта кличка с незапамятных времён. Видимо, внешность у меня такая. Бывают такие лица, что с юности кажутся стариковскими. Наверное, у меня как раз такое. Да и статью я не вышел. Росточка небольшого, сухой, жилистый и немного сутулый. Может быть, из-за сутулости меня дедом и прозвали, я уж и не помню.

– Слышь, дед, садись в кабину, давай тормоза прокачаем, – раздаётся из ямы голос Похалюка, – Только не как в прошлый раз. Педаль тормоза посередине. На неё жми.

Да, теперь-то я запомнил. А в прошлый раз по рассеянности на педаль сцепления всё давил. Похалюк под машиной добрых полчаса мучался. Не прокачать тормоза и всё тут. Потом, как увидел, что я не на ту педаль жму, сердился, ругал меня идиотом и грозился Аркадию Михайловичу на меня пожаловаться. Вообще-то Похалюк незлопамятный. Поругается и забудет. Да и директору нашему Аркадию Михайловичу до таких пустяков дела нет.

Аркадий Михайлович меня никогда не ругает, потому что я в этой мастерской дольше всех работаю. Должность моя, правда, никак не называется, потому что профессии у меня нет. В детстве я болел много и не выучился толком. Поэтому с тех пор, как покойный мой дядя сюда меня устроил, я работаю здесь, при всех директорах и хозяевах, что были за тридцать лет. А делаю я всё, что просят... Убираюсь, полы мою, если что поднести надо или разгрузить, это тоже ко мне. Зимой снег чищу, лёд долблю, а летом подметаю двор и асфальт поливаю в жару.

Аркадий Михайлович, пожалуй, единственный, если не считать администратора Катерины, кто знает, что меня зовут Толик, потому что он мне на карту зарплату переводит. Маленькая у меня очень зарплата, но всегда вовремя приходит. Хороший человек Аркадий Михайлович.

Катерина тоже очень хорошая. Одна троих пацанов растит без мужа. А ещё она за меня всегда заступается, когда ребята с автомойки надо мной подшучивают. Однажды они меня даже водой с ног до головы окатили.

– Зачем же вы так? – говорю. – У меня и спецовки-то запасной нет. Теперь до вечера в мокром буду ходить. Благо, что лето на дворе. Вот вы сорванцы.

А Катерина пошла в подвал и воду им перекрыла. Пока они разбирались, что к чему, у них очередь скопилась. Клиенты ругаются. А Катерина им выговаривает: «Не будете деда обижать, олухи!». Катерина добрая.

Однажды прихожу на работу, а Катерина сидит, плачет.

– Что ты, – спрашиваю, – Катя?

– Сына на второй год в пятом классе оставили. Совсем учиться не хочет.

– Разве же это беда, Катенька? Я вот вообще школу не закончил, и ничего. Живу помаленьку.

– А что же хорошего, Толик? Ты ж на себя-то посмотри... Горе ты наше!

– Я, Катерина, свой кусок хлеба честно зарабатываю. Людям помогаю. Не пропиваю ни копейки. И, вообще, если хочешь знать, есть у меня одно большое дело. Только рассказывать о нём рановато ещё.

– Дело? – Катерина вопросительно смотрит на меня и грустно улыбается, вытирая платком размазанную на левом глазу тушь. – Какое ж у тебя может быть дело? Ты бы хоть семью себе под старость завёл. Всю жизнь бобылём, ни кола ни двора.

– Бывает, Катя, по-всякому у людей. Важно, чтобы человек добро преумножал, а не жил как паразит, без толку и пользы.

– Чудной ты, дед, ей-богу.

Катерина достаёт из тумбочки своего стола сосиску в тесте.

– На вот, Толик, поешь. А то, небось, ещё и не завтракал. Вон худющий какой!

Катерина знает, что я очень люблю сосиски в тесте, и иногда приносит мне их. Почему-то ей нравится смотреть, как я их ем. Вроде и нет в этом ничего особенного, а она смотрит всегда с умилением. А я смотрю на неё с благодарностью. Хорошая она женщина.

У нас вообще коллектив неплохой. Только шутки у людей бывают иногда грубые. Вот моторист Гришка любит на публике обнять меня грязными руками, демонстративно вытирая их о мою спину. Ему кажется это смешным.

– Гриша, ну это же дурацкая шутка! Не надо так, Гриша, – говорю я ему всегда и пытаюсь вырваться из крепких объятий моториста.

А он лишь улыбается. Ну что же с ним поделать? Пусть ему будет хорошо. Я тоже начинаю улыбаться вместе с ним. А Катерина однажды влепила мокрой тряпкой по затылку Гришке, когда тот в очередной раз проделал свою шутку.

– Ты чё, Катька?! – таращит недоумевающие глаза Гришка.

– Пыль протёрла с твоей дурной головы, – зло бросает Катерина и уходит.

– Выпившая, что ли? – интересуется у окружающих Григорий, но все только

удивлённо пожимают плечами. А мне отчего-то становится неловко. Я вообще очень не люблю, когда люди ссорятся.

Ещё у нас есть электрик Дергачёв. Он любит задавать мне один и тот же вопрос: «Какой у тебя размер ноги, дед?». И, услышав неизменный ответ: «Тридцать девятый!», советует покупать обувь в «Детском мире» в целях экономии. Дергачёв особенно любит повторять эту шутку в присутствии клиентов. Ему кажется очень остроумным дать мне такой ценный совет. Но я привык и не обижаюсь.

Что поделаешь? Люди добрых слов чураются. Всё лихость свою показывают. А сами в душе меня любят.

Вот и Похалюк тоже любит меня по-своему. Всё учить пытается.

В день зарплаты он обычно выпивает в обед полбанки с электриком Дергачёвым и настраивается на философский лад.

– Зачем ты живёшь, дед? Вот что ты за человек? На кой тебе жизнь?

– Как это зачем? Меня мать с отцом родили. А раз я родился, значит, нужен на белом свете.

– Да кому ты на фиг нужен! – хохочет Похалюк. – Вот, например, пацаны с автомойки... Они молодые, симпатичные, они бабам нужны. Дергачёв – рыбак заядлый, у него дело в жизни есть. Как только минута свободная появится, он – на рыбалку. И летом, и зимой. А Генка-кузовщик? На гитаре, слышал, как лабает? Вот это талант! Аркадий Михайлович бизнес ведёт. Он вообще голова! Катька – мать многодетная. Она детей растит, хоть и без мужика. Я вот, к примеру, механик. С большой буквы «М», потому что высшего разряда. А ты вот на кой хрен существуешь?

– Я людям помогаю, меня люди любят. И вообще у меня тоже одно дело важное есть. Только говорить о нём пока рано.

– Да какое у тебя может быть дело? Профессии нет. Семью не создал. Денег не скопил. Увлечений не имеешь. Да ещё и туповат.

– Я людям помощник. Значит, и я тоже на белом свете пригожусь.

– Болван ты никчёмный, дед, – вздыхая, произносит Похалюк и уходит переодеваться.

Я не сержусь на Похалюка. Вон какой он тучный! Гипертония у него, говорят, а он ещё и водкой балуется. Я всегда сочувствовал тем, кто выпивает. Несчастные они люди. Плохо им живётся. Они думают, что им от чего-то другого плохо. Оттого, что денег мало, что жильё тесное или жена плохая. А я думаю, что им как раз от водки и плохо. Поэтому и жизнь кажется никудышной.

А главное, мир они видят совсем другим. Мутный он для них и серый. Как будто пакет полиэтиленовый на лицо натянут. Мир-то, он другой совсем. Яркий и красочный, даже когда дождь идёт. В нём времена года есть, а не только четыре квартала. Добрых людей полно, а не одни спины в очереди в кассу. А главное, небо есть. Они же небо совсем не видят, потому что смотрят всегда под ноги. А я небо очень люблю. Если бы я жил в пустыне, где ничего, кроме неба, нет, всё равно счастлив был бы. Ведь небо всегда разное. И ещё, небо – это мой главный друг.

У меня много друзей. Вот, например, клён на трамвайной остановке у ме-

тро «Чёрная речка». Когда я с ним познакомился, он был совсем небольшой. А я был такой же, как сейчас. А теперь клён огромный, он вырос и часто укрывает меня летом от дождя. Однажды он заболел, и на его листьях появились чёрные точки. Я очень переживал, и даже стал узнавать, как лечат деревья. На следующий год клён поправился. Но я по-прежнему слежу за его листьями. Каждый день я здороваюсь с клёном, когда жду трамвай.

Однажды я запрыгнул в уходящий трамвай и забыл поздороваться со своим другом. Мне сразу стало как-то не по себе. Наверное, клён смотрит вслед трамваю и думает, что я его разлюбил. На следующей остановке я вышел и вернулся, чтобы сказать клёну «прости». И на душе сразу стало хорошо. Только домой я уже пошёл пешком, потому что заплатить второй раз за трамвай я не могу. Но это же не беда, ведь это ради друга.

Некоторые люди говорят, что я чокнутый. Особенно часто так говорили, когда я носил с собой на работу красный воздушный шарик. Он улетел с какого-то праздника и запутался в ветках дерева. Мне показалось, что ему там плохо, и я спас его. Привязав шарик к своей сумке, я носил его с собой везде. Шарик тоже был моим другом. К сожалению, шарики не живут долго. Когда он умер, я похоронил его в сквере на Петроградской стороне.

Может, я и вправду ненормальный. Наверно, это так и есть, потому что в детстве я тяжело болел и раньше у меня иногда отказывала память. В таких случаях я не знал, куда мне идти и где мой дом. Меня находили, голодного и мокрого, где-нибудь на скамейке в парке и приводили домой. Потом память ко мне возвращалась, и я узнавал свою комнату и соседей. Мой дядя говорил, что рано или поздно это плохо кончится. Врачи говорили, что это неизлечимо. Какой-то сложный диагноз, я не помню. Да я и сам понимаю, что смерть моя наступит именно так. Человек в беспомощности почти обречён на улицах огромного города. Просить помощи я в таком состоянии не могу, потому что не знаю, что она мне нужна. Я всё вижу, всё понимаю, но не знаю, кто я и что должен делать. К счастью, теперь со мной такое случается крайне редко и продолжается недолго.

Сегодня день зарплаты. Похалюк с Дергачёвым собираются выпить. Катерина убежала покупать детям учебники к первому сентября. Аркадий Михайлович с утра уехал в банк и больше не возвращался. В городе стоит ужасная жара. А я, как всегда в день зарплаты, поеду не домой, а в центр города. Но это мой секрет. Может быть, я тоже сделаю в жизни одно важное дело. Только говорить об этом ещё рано. И вообще хвастаться хорошими поступками нехорошо. Так мой дядя покойный всегда говорил.

Город задыхается от жары, многократно усиленной асфальтом и пыльными стенами зданий. С самого утра духота. Я уже добрался на трамвае до Литейного проспекта, и теперь мне надо пересечь на маршрутку. Ещё немного, и мой родной город замрёт в непроходимых пробках. На мосту грохочет трамвай. Из подворотни запахло дымом горящей помойки. Я жду маршрутку. Мечтаю о чуде. Например, о стакане холодной газировки за три копейки, как в детстве. Впрочем, пепси-кола тоже сгодилась бы.

А вот прямо напротив меня в плотном горячем воздухе неспешно пролетает огромный шмель. Откуда же он тут взялся? Первое, что приходит в

голове, – вылетел из салона «Билайн», что через дорогу. Интересно, кто же мне так замусорил голову? Но и вправду, откуда? Никогда не видел здесь шмелей...

Шмель завис над мостовой, как будто размышляя: стоит ли ему продолжать этот бессмысленный полёт в пространстве, где нет ни единой травинки, ни одного цветка? Я люблю рассматривать насекомых. Шмель необычайно красив. Его чёрно-жёлтая спина кажется самой яркой и контрастной точкой в окружении блёклых и пыльных стен. Но что-то ещё отличает его от однообразной городской палитры. Кажется, понимаю. Шмель абсолютно чист, он сияет чистотой и свежестью, как новенький автомобиль. Жужжа и подрагивая своим грузным телом, он медленно колышется из стороны в сторону, пытаясь уловить какие-то неведомые нам запахи.

Боже, что это? Сильный щелчок от удара лобового стекла пролетавшего мимо автомобиля подбросил его вверх. Он закружился в воздухе и рухнул на тёмный асфальт! Некоторое время он сосредоточенно ползёт по асфальту, как будто оценивая свои силы, но затем с усилием поднимается в воздух сантиметров на тридцать, и тут – новый удар. Его отбрасывает на край дороги в придорожную пыль. Теперь тело лежит неподвижно, лапы не шевелятся, но полосы на его спине по-прежнему ярки и красивы. Через минуту струя поливальной машины перемешивает чёрно-жёлтый комочек с песком и грязью в однородную массу, исчезнувшую под решёткой канализационного люка. Город, как дышащая жаром преисподняя, поглощает инородное тело...

Из подворотни всё ещё тянет тлеющей помойкой. В подъехавшую маршрутку втискиваются люди. Наверное, в эту маршрутку я не влезу, не умею толкаться. Поеду на следующей. Я люблю мой Питер. Но иногда мне кажется, что это любовь лягушки, зачарованно глядящей в глаза огромного удава. Мне кажется, что когда-нибудь он поглотит и меня. Может быть, мне приходят такие мысли потому, что я нездоров. А может, так оно и есть.

Теперь мне страшно от этой мысли. Но больше всего я боюсь, что забуду, куда мне надо ехать. Тогда конец. Надо во что бы то ни стало добраться до цели. Может быть, и в последний раз. Вот ещё одна маршрутка подошла. Пожалуй, не влезу и в эту. Пойду пешком. Мне надо дойти до Казанской улицы, это не очень далеко.

Если идти пешком, то можно пройти мимо цирка и полюбоваться им. В детстве дядя водил меня в цирк, и мне это очень нравилось. А с тех пор, как дядя умер, я там не был. Только снаружи иногда смотрю и вспоминаю.

В цирке могут быть на арене одновременно хищники и люди. Никто никого не убивает. Люди не стреляют в зверей, а звери не бросаются на людей. В жизни так не бывает. Значит, цирк – это очень хорошее место.

А ещё около цирка есть скамейка в сквере, где можно посидеть и отдохнуть. Вот я уже и почти дошёл до неё. Надо немного посидеть. Что-то я сильно разволновался из-за гибели шмеля. Очень не люблю, когда живое вдруг становится мёртвым. Теперь у меня в висках сильно стучит и рябь какая-то в глазах.

На скамейке хорошо. Над ней растут каштаны, и от широких листьев

образуется прохладная тень. Дышать здесь легче. Только вот теперь в ушах у меня будто бы вода. Почти ничего не слышу. Люди мимо идут и разговаривают, а я не слышу. Только вижу, как они рты открывают. И листва не шумит, лишь покачивается беззвучно. Наверное, мне лучше прилечь на скамейку.

Две птицы кружатся высоко в небе. Крыльями не машут, а просто парят и кружатся. Наверное, чайки. Как им там хорошо. Так просторно и легко. Никто их там не обидит, в небе. Никто не сделает больно. Как бы я хотел тоже так кружиться. Может, я когда-нибудь смогу? Не сейчас. Потом. Теперь-то мне даже не пошевелиться. Тело как будто связано мокрыми простынями, и в груди сильно колет. Наверное, я не дойду сегодня до Казанской улицы. А что делать? Пойти обратно? А если мне не встать?

Вот какие-то два парня склонились надо мной. Курят мне в лицо прямо. Как неприятно. Один присел рядом и смотрит по сторонам. А другой вытащил из моего кармана кошелёк и паспорт. Повертел в руках. Паспорт положил обратно, а кошелёк забрал. О чём-то поговорили между собой и ушли.

А теперь девушка подошла. Смотрит на меня внимательно и трогает моё запястье. Я это чувствую. Рука у неё холодная и пальчики тонкие. Достала телефон. Звонит куда-то. Ещё несколько прохожих остановились рядом. Поговорили о чём-то и пошли дальше. А меня что-то сильно ударило. Будто кулаком в грудь, и потемнело всё на мгновение. Что это? Никто ведь ко мне не прикасался.

Зато сразу легко стало. Нет больше мокрых тряпок, сковывающих тело. Нет шума в ушах. И ряби в глазах нет. Легко так и свободно. Я всё вижу. Вон он я... Лежу на скамейке, и девушка рядом стоит. Жёлтая машина подъехала с синим маячком. Как он неприятно сверкает, этот маячок. Два доктора из машины вышли. Что-то делают со мной. А почему я всё это сверху вижу? Как странно...

Я кружусь вместе с чайками над сквером. Могу, как и они, улететь, куда захочу. Как здорово! Теперь можно и на Казанскую улицу слетать, и обратно в мастерскую вернуться, не садясь в маршрутку. А из жёлтой машины водитель вышел. Вынимает носилки. Вот они уже втроём меня со скамейки стащили на носилки и в машину кладут. Странно. Может быть, там, внизу, на носилках, не я? А девушка заплакала. Вытирает платочком глаза.

Не люблю, когда люди плачут. Не хочу смотреть. Куда мне теперь? На Казанскую или в автомастерские? Или, может быть, сначала домой? А как красив город с высоты птичьего полёта! Никогда такого не видел. Раз уж я могу двигаться свободно в любую сторону, почему бы немного не полетать? А что бы мне и вправду не покружиться вместе с чайками над Невой? Посмотреть на закат. Всю жизнь мечтал подлететь близко к золотому ангелу на шпиле Петропавловского собора. А потом вернуться в автомастерские. Как же они там без меня? Я их не оставляю. Иногда мне кажется, что это не я, а они все они очень больны, и я должен им помочь.

Не могу сказать точно, сколько прошло времени, пока я летал, но в автомастерскую я всё-таки вернулся. Там было всё, как прежде, только стало очень

грязно без меня. Некому теперь у них убираться, а мусорить они мастера. Теперь я смотрю на них сверху, и мне их немного жалко.

Рабочий день подошёл к концу. Похалюк с Дергачёвым и парнем с автомойки разливают по пластиковым стаканчикам пол-литра, спрятавшись на всякий случай за стойкой оформления заказов. Тучное тело Похалюка не помещается в этом ограниченном пространстве, и его шарообразная спина, перетянутая подтяжками крест-накрест в виде буквы икс, и коротко стриженный колючий затылок торчат из-за стойки администратора. Генка побежал в соседний магазин за колбасой, и собравшиеся уже тихонько матерятся по поводу его медлительности.

– Здравствуйте...

У стойки оформления заказов автомастерской, как из воздуха, появляется невысокая, хрупкая девушка. Никто не слышал, как она вошла, и казалось, что незнакомка возникла по волшебству. За её плечами виднеется огромный чёрный футляр с виолончелью.

– Здравствуйте, – тихо повторяет девушка. Её мягкие серые глаза с некоторой тревогой смотрят сквозь огромные линзы очков. Она переминается с ноги на ногу, и старенькие туфельки её не находят себе места на холодном бетонном полу мастерской.

– Мы закрыты, девушка! – с раздражением произносит Дергачёв, выглядывая из-за стойки приёма заказов.

– Все консультации по ремонту завтра, – не поднимая головы, бурчит Похалюк. Парень из автомойки выпивает содержимое пластикового стаканчика и смачно крякает.

– Мне бы дядю Толю найти, – тихо шепчет девушка.

– Вы ошиблись. Тут нет никакого дяди Толи, – наигранно вежливо отвечает парень с автомойки, засовывая в рот пальцами квашеную капусту.

– Он же у вас работает, – робко возражает девушка. – Странно.

– Мадам, в нашей организации нет и не было сотрудников с именем Анатолий, – развязно вмешивается Похалюк, которому после выпитого вдруг нестерпимо захотелось общаться. – Вы, видимо, перепутали адрес. Это Большой проспект Васильевского острова, а есть ещё Большой проспект Петроградской стороны... Вы знаете об этом? Слово «большой» встречается в нашем городе достаточно часто. Как вы вообще относитесь к понятию «большой»? – свинячьими глазками слесаря при этом лукаво заблестели.

Дергачёв раздражается неприличным хохотом.

– Дядя Толя говорил мне, что работает здесь, – чуть не плача, повторяет девушка, нервно вцепившись тонкими пальчиками в круглую чёрную пуговицу на своём плаще.

– Кем?

– Он... – девушка затрудняется вспомнить. – Я не знаю, наверное, разнорабочий.

– У нас нет разнорабочих, – сухо подытоживает Дергачёв, которому уже хочется закончить диалог и накатить по второй. – Наливайте мужики, что застыли, всё тут ясно, девушка ошиблась.

В этот момент в дверях появляется Аркадий Михайлович.

– Вам кого, девушка?

– Михалыч, мы тут не пьянствуем. Мы чисто символически. На ход ноги бахнули и разбегаемся, – тут же вмешивается Похалюк с оправдательной речью.

Аркадий Михайлович брезгливо берёт двумя пальцами за горлышко нататую бутылку водки и оставляет её на пол рядом с мусорным контейнером.

– Колбасу свою доедайте и марш отсюда! – тихо и скороговоркой бросает он в сторону работников и поворачивается лицом к девушке:

– Так вы кого-то ищете?

– Дядю Толю, – уже совсем шмыгая носом, отвечает девушка и вытирает глаза рукавом. – Он всегда приезжал двадцатого, а в этом месяце не приехал, и не позвонил даже. И телефон выключен.

– Постойте-постойте, дядя Толя? Анатолий Петрович? Кузнецов?

Девушка утвердительно кивает головой. Шмыгает носом и перестаёт плакать. Трое выпивох, почуввав неладное, застывают в удивлённом ожидании.

– А вы кем ему приходитеесь? – стараясь говорить как можно мягче, спрашивает Аркадий Михайлович.

– Я? Никем. Я сирота из интерната. Когда я была маленькая, дядя Толя проходил мимо нашей детской площадки и увидел, как я на качелях качаюсь. Я тогда сама раскачиваться ещё не умела, а он подошёл и меня научил. Так и познакомились. Он мне всю жизнь помогает. Приезжает каждый месяц и привозит одежду, вещи, продукты. А когда я из интерната вышла, дядя Толя помог мне в музыкальное училище поступить и за учёбу платил. А теперь я в консерватории учусь на бюджетном отделении, и платить не надо, поэтому дядя Толя мне помогал на виолончель накопить. Где он? Может быть, опять заболел?

Мужики удивлённо переглядываются. Аркадий Михайлович глубоко вздыхает и трёт ладонью лоб.

– У него знаете как бывает? – продолжает девушка, – Память иногда отказывает. Он пока в себя не придёт, ходит по улице долго и может замёрзнуть, а потом болеет. Сейчас-то он не замёрзнет, а вот зимой простужался. Я уж ему и носков тёплых, и шарфов навязала. Нянечка в интернате меня вязать научила. У дяди Толи все свитера мною связаны. Вы, наверное, их видели. Так где же он, мой дядя Толечка?

Дергачёв нервно барабанит пальцами по столу... Хмель его улетучился, и отчего-то продолжать пьянку не хочется. Похалюк удивлённо хлопает глазами. Парень с автомойки, склонив голову, уставился в пол, как нашкодивший школьник.

Аркадий Михайлович бережно берёт девушку под руку и ведёт к своей машине. Через полчаса они уже в крематории на Шафировском проспекте. Тёплый вечерний ветерок ласкает овальное фото, возле которого склонились и слегка кольшутся ромашки.

– Вот, – тихо произносит Аркадий Михайлович, – я сделал всё, что мог. Чёрный мрамор, надпись – всё как положено. Фото вот другого не нашёл только.

Они помолчали.

– А знаешь, я ведь ему всю жизнь недоплачивал, – выдавливает с трудом

Аркадий Михайлович и садится на скамейку рядом с мраморной плиткой.

– Я знаю, – спокойно отвечает девушка и присаживается рядом, сняв со спины виолончель.

Полевые ромашки трутся о глянцево́ый чёрный мрамор, словно ласкаясь о тёплый камень, с которого, улыбаясь, смотрю на них я – дядя Толя.

ОЛИМПИЙСКАЯ МЕДАЛЬ

В начале прошлой зимы мне подарили новые лыжи, и я решил пробежаться по еловому лесу, наслаждаясь чистым морозным воздухом. С непривычки темп я взял неправильный. Да и дистанцию себе наметил не по силам. В общем, через пару часов я полностью выдохся и повернул к дому. Чтобы сократить себе обратный путь, я махнул через заброшенный пионерский лагерь. Пустые полуразрушенные корпуса, разбитые окна, тишина. Людей не видно, но дымком откуда-то потягивает. Значит, кто-то есть.

Через минуту на меня выскочила большая лохматая чёрная собака. Она остановилась метрах в десяти и с рычанием преградила мне путь. Я замер в ожидании. В это время со скрипом отворилась дверь маленькой деревянной бытовки. На пороге появился сторож. Небритый мужик в засаленной телогрейке и валенках. Он оглядел меня с ног до головы и подозвал к себе собаку.

– А, лыжник. Не бойся, пёс не кусается, – сторож погладил по голове собаку и присел на скамейку возле бытовки.

– Не возражаете, если проеду по вашей территории? А то в обход далеко, а я сильно устал.

– Проехал уже. А устал, так садись, отдохни, – он указал мне на скамейку возле себя и достал из внутреннего кармана жестяную флягу. – Будешь пятьдесят грамм?

– Нет, я чайку лучше хлебну, – я снял со спины рюкзак и достал термос.

– Ещё бы ты не устал, – продолжил сторож, отпив из своей фляги. – Ты же неправильно коньком идёшь. Кто тебя так учил?

– Меня вообще никто не учил. Я дилетант, – ответил я ему с усмешкой.

– То-то я и вижу. Ты, когда маховую ногу отправляешь в прокат, перенеси на неё центр тяжести. А руки не должны уходить за спину при толчке. На уровне бедра толчок заканчивай. И на палках не виси.

Он подошёл ко мне и показал мои ошибки.

– Как же я за всем этим одновременно услежу?

– Тренируйся. Сразу не уследишь. Старайся контролировать, потом войдёт в привычку.

Я опустил на скамью рядом с ним и налил себе чаю. Сторож тут же извлёк флягу и поднял её, отвинтив крышку.

– Меня Палыч зовут. Будем знакомы! – Он отхлебнул из фляги и потрепал лохматого пса, который улёгся у его ног.

– Ты спортом раньше занимался? – поинтересовался я, разглядывая его заросшее щетиной опухшее лицо.

– Занимался, занимался. Будь он неладен. Лучше бы работал. Глядишь, не сидел бы сейчас тут.

– Чем же тебе спорт в жизни так помешал?

Он не ответил мне. Достал флягу и снова приложился к горлышку. Из открытой двери бытовки пахло подгоревшей едой. Чёрный пёс перестал помахать хвостом и жалобно заскулил. Мы молчали. Палыч пристально смотрел вдаль, будто пытаясь там кого-то разглядеть, и вовсе не собиравшись отвечать на вопрос.

Я понял, что моё любопытство останется неудовлетворённым, и поднялся со скамейки.

– У меня было две жизни, – неожиданно заявил Палыч. – Одна в спорте, другая после. Я ведь интернатовский. Сирота. В спортивном интернате вырос. Потом олимпийский резерв. Затем сборная. Вся жизнь – сплошные тренировки, сборы, спортивные базы. У меня и дома-то своего в той жизни не было. А я и не грустил. Куда надо отвезут, заселят, накормят.

Я присел обратно на лавку. Палыч приложился к фляге. Пёс перестал скулить и, вскочив на скамейку, улёгся рядом с Палычем.

– Потом за границу начали возить, – продолжал Палыч. – Не жизнь, а сказка. Тогда за кордон не каждый мог попасть. Наши ребята оттуда всё чемоданами везли, а мне ничего не надо было. Им родня списки давала, что купить. А у меня родных нет. Кому привозить? Да, впрочем, дело не в барахле. Жил я как у Христа за пазухой и думал, что всегда так будет. А оказалось, всё это – мираж. Растратил лучшие годы. Вот и всё. Ничего не осталось.

– А как же победы, медали, звания? Это ведь остаётся навсегда. Неужели ничего?

– На Олимпиаде в Альбервиле я семнадцатым пришёл. Это единственное, чем я горжусь. Остальное мелочи. Мы тогда тоже под олимпийским флагом выступали. Только-только Союз рухнул. Февраль девяносто второго года. Сборная была ещё из бывших союзных республик, но проблемы уже начались. Женщины наши тогда сильно выступили. Лазутина, Егорова, Вальбе. А у нас полный провал. Потом травмы меня замучили. Не сложилось дальше.

Палыч снова вынул флягу, но она оказалась пуста. Дверь бытовки поскрипывала, болтаясь на ветру. Лохматый пёс положил голову Палычу на колени и закрыл глаза.

– А я ведь, знаешь, когда из спорта ушёл, как с луны свалился, – продолжал он, – мне квартиру дали, а я не догадывался даже, что квартплату платить надо. Не знал, как еду приготовить. Сколько в магазине хлеб стоит, не представлял. Вижу, написано десять рублей, а сказали бы сто – я бы поверил. За меня всю жизнь всё решали. Моё дело тренироваться. А тут на тебе, живи как хочешь. Я даже макароны приготовить поначалу не мог. То переварю, то сырые съем. До сих пор толком не умею готовить, вон опять картошку спалил, – он махнул рукой в сторону бытовки.

– Чего же ты на тренерскую работу не пошёл с таким опытом?

– Какая там тренерская? Ты же помнишь, что в стране творилось. На завод пошёл сборщиком. Три месяца поработал – предприятие закрыли. Денег не дают. Мастер сказал – трубы там из нержавеющей стали остались. Можно вынести,

продать. Мы забрали и сдали на лом. А через неделю нас с ним в кутузку. Получили по году условно. Потом шабашил в разных местах. Выпивать начал потихоньку. По пьянке в драку ввязался. Сломал нос одному негодяю. Опять судимость. В общем, чем дальше, тем хуже, – Палыч набрал в ладонь снега и растёр им лицо.

– Послушай, Палыч, у меня сын с друзьями этой зимой собирался за колледж выступать по лыжам. Они в прошлый сезон на студенческих соревнованиях неплохо откатались. Парни крепкие, но, вот беда, физкультурник у них – бывший пловец. Физически он их подготовил, а по технике – сам понимаешь. Может, ты бы их погонял за небольшую плату?

– Что ты? Я отродясь никого не тренировал. Со мной давно всё ясно, – он опять достал свою флягу, но, вспомнив, что допил, убрал её обратно. Разбуженный пёс зевнул и лениво побрёл в бытовку.

– Ну хотя бы объясни ему то, что мне показал, – попросил я.

– Пускай приходит, – равнодушно ответил он, помахивая пустой флягой.

Вечером я рассказал сыну о Палыче и благополучно забыл эту историю. Спустя некоторое время я стал часто видеть у нас в доме друзей сына. По выходным они мазали в гараже лыжи, и в их разговорах я мимоходом услышал про Палыча. «Значит, согласился всё-таки, – подумал я и почему-то в душе обрадовался. – Впрочем, разберутся как-нибудь без меня».

В конце зимы сын похвастал мне, что свои студенческие соревнования они выиграли с огромным преимуществом над соперниками. Золочёная медалька на трёхцветной ленте заняла своё почётное место на стене его комнаты. Я заинтересовался, помог ли Палыч.

– Конечно! Если бы не он, мы, как в прошлом году, были бы вечно четвёртыми. Палыч вообще зверь. Всё говорил, что, не зная наших соперников, ему тренировать невозможно, а всё же старался. Он очень грамотный, только бует всё время, к сожалению.

– Надо вам обязательно отблагодарить его, – предложил я.

– Нет, папа, ты его не знаешь. Палыч денег не возьмёт. Мы ему уже предлагали. Хочешь, сходи к нему, пообщайся. Он тебя не раз вспоминал.

– А скажи мне, дружище, тебе сама эта медаль очень важна? Ты ведь знаешь, что добился поставленной цели. Это пройденный этап. Сама медаль лишь формальность.

– Хочешь её Палычу подарить? – догадался сын. – Я не против. Это ведь и его победа. Только ты сходи сам. У меня же сейчас сессия, времени совсем нет.

– Что же, он и не знает, что вы победили?

– Так Палыч же телефон свой потерял. Как мы ему сообщим? После сессии заедем как-нибудь.

Я взял медаль и отправился к Палычу. На моё удивление, он был трезв и угрюм. Сидя на скамейке, Палыч зашивал какую-то тряпку. Моё появление его нисколько не удивило.

– Здорово, – буркнул он себе под нос, не отрываясь от работы.

– Здравствуй, Палыч, я тебе подарок принёс.

– Я не буду, я в завязке, – ответил он равнодушно.

– Ты не понял. Ребята победили. Понимаешь, Палыч, твои ребята, – я до-

стал из кармана медаль и протянул ему. – Это и твоя победа, старик! Твоё мастерство сделало из них команду. Это твой сегодняшний результат. Не из прошлого, а из настоящего. Пойми, Палыч, – ты не сторож.

Он, широко раскрыв глаза, не мигая смотрел на меня. Отбросив в сторону своё шитьё, Палыч двумя руками взял медаль. Он смотрел на неё, как будто в его руках было олимпийское золото Альбервиля, не доставшееся ему в девяносто втором. Он молча встал и вышел из бытовки. Я последовал за ним. Мне хотелось окликнуть его, но я не сделал этого.

На следующий день я зашёл проведать Палыча. На бытовке висел навесной замок. Следов на свежем снегу не было. Не появился Палыч и через неделю. Я перестал ходить в лагерь и начал о нём забывать.

Уже летом мы пошли купаться на озеро, что рядом с базой военного института физкультуры. По дороге мимо нас, тяжело дыша, пронеслась группа курсантов в одинаковых спортивных костюмах. Позади них я вдруг услышал знакомый голос.

– За дыханием следим, один цикл на шесть шагов. Стопу мягче ставим...

Палыч еле поспевал за своими парнями. Я не стал его отвлекать.

НЕВЕЗУЧИЙ

Валентин третий год работал таксистом. Он был уверен, что ему в жизни хронически не везёт. Ещё бы! Окончить педагогический институт и стать учителем географии. Надо же было сделать такой выбор! В первый же год работы в школе его просто «съели». А внешность? Ну что это за худые плечи и рост метр шестьдесят? Характер мягкий. Настоять на своём Валентин не мог никогда. Разве можно с таким характером сделать карьеру или открыть своё дело?

– Наверное, во всём виновата моя мать, строгая и властная женщина со стальными нервами, – думал Валентин. – Или виновато общество, жестокое и несправедливое. И правительство, не способное обеспечить исполнение законов. И женщины, которым высоких брюнетов подавай, уверенных в себе...

Все виноваты. Поэтому в дураках, так или иначе, всё время оставался Валентин. Лифт ломался именно в то время, когда в нём ехал он. Очередь в каску в супермаркете всегда шла медленнее других, если в неё вставал Валентин. Фальшивая купюра всегда именно ему доставалась. Даже собаки бездомные на улице из всех прохожих именно его выбирали, чтобы облаять. Порвать этот порочный круг у Валентина не было сил.

Вот и теперь, в такой жаркий и солнечный день, как назло, в машине сломался кондиционер. Полностью опустив стёкла, Валентин подъехал к указанному в заказе адресу. У подъезда стояла молодая стройная девушка в чёрных солнечных очках. Она уверенно села на заднее сидение и захлопнула дверь.

– На Пионерскую? – спросил Валентин, чтобы уточнить правильность маршрута.

– Да. Бизнес-центр «Содружество». Представляете, проспала на работу. Так стыдно.

– Наверное, начальство ругать будет? – поинтересовался Валентин, чтобы поддержать разговор.

– Нет. Меня никогда не ругают. Да и работа у меня такая, что в крайнем случае домой можно забрать.

– Кем же вы работаете?

– Я юрист. Составляю и проверяю договоры. Правда, пока самые несложные. Я только в прошлом году институт закончила. Но меня на работе все очень любят и никогда не ругают. Наоборот, всегда стараются помочь мне.

– Наверное, много работы? На молодых всегда всё сваливают. Успеваете?

– Конечно! Я ещё успеваю по выходным детскому психоневрологическому интернату помогать в качестве волонтера, и в вокальной группе пою.

– Как же это у вас выходит?

– Не знаю. Просто я очень люблю всё, что я делаю. У меня скоро сольный альбом выйдет. В сети уже есть. Хотите, скину ссылку?

– Хочу, – ответил Валентин, а сам подумал: – Ну почему ей так в жизни везёт? И работа перспективная, и альбом записала, и детям помогает. Всё ей нравится. Ну сплошное везение во всём. Почему некоторые люди рождаются такими везучими? Почему кому-то от природы даётся всё, а кому-то ничего? Почему именно ей так повезло?

Они подъехали к бизнес-центру «Содружество». Девушка открыла сумочку, чтобы расплатиться за поездку. Валентин услышал, как за спиной что-то лязгнуло неприятным металлическим звуком в руках девушки. Он испуганно обернулся. В её руках была белая складная металлическая трость.

– Не пугайтесь! – спокойно произнесла она, раскладывая металлическую тросточку. Я инвалид по зрению. Слепая от рождения.

Она подняла солнечные очки, и мороз пробежал по спине Валентина. Белки глаз были пусты. Один зрачок был направлен вверх и почти скрывался под верхним веком. Второй был безжизненно опущен вниз и вбок.

– Как же вы дальше? – с трудом выдавил из себя Валентин.

– Прекрасно! Я хорошо ориентируюсь с тростью, даже в малознакомых местах.

Она расплатилась и вышла.

Вдруг Валентину стало нестерпимо стыдно. Он не сразу понял, отчего это. А когда понял, стыд усилился многократно. Его никто не видел в эту минуту, но краска залила его лицо. Валентин заметил это в зеркале. Он словно оказался голым на первомайской демонстрации. Хотелось убежать, спрятаться. Но от себя разве убежишь?

СЧИТАЛКА

Областной хоспис. В палате – четыре неподвижных тела. Тяжёлый воздух. Мягкие простыни, капельницы, каталки. Мне, начинающему волонтеру, нелегко переступить порог. У входа, справа, – старик, обросший седой щетиной. Иссохшее жёлтое тело. На тумбочке челюсть, памперс и блёклая фотография в рамке. Морской офицер. Капитан второго ранга. Живые чёрные глаза. Только

по глазам и узнаю. Это он. Что мне ему сказать? «Как вы себя чувствуете?» Какая циничная нелепость. Он давно ничего не чувствует, кроме боли. Пожелать выздоровления? Лицемерие. Всё ведь очевидно. Спросить, чем помочь? Да чем же ему поможешь? О родных спрашивать нельзя. Их здесь ни у кого нет. Зачем я сюда пришёл? Я смотрю в его глаза. Он видит меня.

– Как вас зовут? – спрашиваю я.

– Владимир, – тихо отвечает он.

– Моего отца тоже звали Владимир, – говорю я.

– Кто ты?

– Волонтёр.

– Откуда?

– Из Ленинграда.

– Ты не с Васильевского острова?

– Нет, я с Выборгской стороны.

– А я когда-то жил на Васильевском. Как там сейчас?

– Всё хорошо. Стрелка, биржа, университет – всё, как раньше. А ещё мост новый построили. На Петровский остров. Красивый.

– А Дворцовый мост разводят?

– Конечно, разводят. Как всегда, много людей по вечерам. Гуляют, фотографируют.

– Так ты с Васильевского?

– Нет, не с Васильевского.

– А речные трамвайчики есть?

– Да, есть. Ночью, когда мосты разводят, их очень много. И катеров разных, и лодок. А потом, когда мосты разведут, они уходят, и начинается движение грузовых судов. С Балтики идут вверх по течению тяжёлые баржи. По набережной гуляют влюблённые, и светло, как днём.

– А улицу Репина ты знаешь?

– Конечно. Узенькая такая. Мощёная камнем.

– Да-да. Я там когда-то жил. После войны... Как жаль, что ты не с Васильевского.

– Я там иногда бываю.

– Послушай, парень, я прошу тебя: сходи на улицу Репина.

– Хорошо, схожу.

– Когда придёшь, произнеси там вслух: «Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон!». Запомнил?

– Что это?

– Детская считалка. Мы в детстве там так считались, кому водить. Пусть она там снова прозвучит. Около дома номер двенадцать. Ты запомнил?

– Запомнил. Я обязательно это сделаю. Обещаю вам.

Я заметил, что с коек по соседству удивлённо смотрят три пары глаз. Мы посидели несколько минут молча.

– Ты хороший парень. Спасибо тебе, что ты пришёл.

Он попытался взять меня за руку, и я почувствовал еле ощутимое рукопожатие. Слеза выкатилась из его правого глаза. Владимир закрыл глаза. Я ушёл.

Что это? Безумие? Или мужество сильного человека, так легко принимающего смерть?

На следующий день я приехал на улицу Репина. Тесная улочка. Окна первых этажей у самой земли. Городского шума здесь не слышно. На балконах сохнет бельё. Живут люди.

– Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон! – произнёс я громко.

Из окна первого этажа высунулась смешная рожица мальчишки лет семи с удивлёнными глазами.

– Что это?

– Считалочка такая.

– А это зачем?

– Просто так. Игра. Запомнил?

– Запомнил.

Я ушёл, а вслед мне разносилось: «Плыл по морю чемодан. В чемодане был диван. На диване ехал слон. Кто не верит – выйди вон!».